

RU

Проблема художественного синтеза в башкирской прозе второй половины XX века: повесть М. Карима «Долгое-долгое детство»

Гареева Г. Н., Шайдуллина А. М.

Аннотация. Цель исследования – определить преобладающие черты жанрового синтеза в башкирской прозе второй половины XX века на основе сравнительно-исторического анализа жанровых компонентов, наличествующих в знаковом произведении М. Карима «Долгое-долгое детство». Научная новизна исследования заключается в выявлении различных жанрово-стилевых разновидностей, создающих синтез, новую внутреннюю эпическую форму в повести М. Карима, что впоследствии было развито другими писателями. Данный аспект впервые избран для настоящего исследования в качестве ключевого и представляет несомненный интерес и для осмысления индивидуального стиля писателя. Впервые жанровая поэтика повести М. Карима «Долгое-долгое детство» рассмотрена с точки зрения проблемы художественного синтеза. Полученные результаты показали, что повесть М. Карима «Долгое-долгое детство», представляющая органический синтез форм и синтеза содержания, способствовала активизации движения башкирской прозы к социально-философскому эпическому целому, возникновению различных жанрово-стилевых направлений в башкирской прозе второй половины XX века вплоть до сегодняшнего времени.

EN

The problem of artistic synthesis in Bashkir prose in the second half of the 20th century: M. Karim's novella "A Long, Long Childhood"

Gareeva G. N., Shaydullina A. M.

Abstract. The aim of the research is to identify the predominant features of genre synthesis in Bashkir prose in the second half of the 20th century based on a comparative-historical analysis of genre components present in the seminal work of M. Karim "A Long, Long Childhood". The scientific novelty of the study lies in identifying various genre-stylistic varieties that create a synthesis, a new internal epic form in M. Karim's novella, which was subsequently developed by other writers. This aspect is selected for this research as a key one and presents undeniable interest for understanding the writer's individual style. For the first time, the genre poetics of M. Karim's novella "A Long, Long Childhood" is examined from the perspective of the problem of artistic synthesis. The obtained results showed that M. Karim's novella "A Long, Long Childhood", representing an organic synthesis of form and content, contributed to the activation of the movement of Bashkir prose towards a socio-philosophical epic whole, the emergence of various genre-stylistic directions in Bashkir prose in the second half of the 20th century up to the present time.

Введение

Актуальность работы заключается в том, что исследование взаимообусловленности различных формальных и содержательных компонентов (Бахтин, 1975; Волков, 1995; Есин, 2000) позволяет открыть новые грани как отдельных произведений, так и характерных примет стиля всей многонациональной российской, в том числе и башкирской, прозы указанного периода. Многоаспектное изучение новаторского обновления традиционных литературных средств, поиск новых форм, вступающих в полемику с уже устоявшимися представлениями читателя о художественном произведении (Кильмухаметов, 1979; Лейдерман, 1982; Поспелов, 1978), исследование синтетического начала в восприятии эпохи, затрагивающего уровень формальный и содержательный, позволяют в итоге говорить о стремлении к художественному синтезу (Жирмунский, 1977; Проблемы художественной формы..., 1971, т. 1; Суценко, 2018).

Роль времени в повестях и романах А. Багуманова («Что за день...»: повести. Уфа, 1992), Р. Баимова («Позднее раскаяние»: повесть, рассказы. М.: Советский писатель, 1988; «Расплата»: роман. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989), А. Хакимова («Млечный путь»: роман. М.: Современник, 1990), А. Чанышева («Сотрясающая небеса»: роман, повести, рассказы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982), Т. Кильмухаметова («Душенька моя»: повести, рассказы. Уфа: Китап, 2001), И. Абдуллина («Солнце все не заходит»: роман. Уфа: Китап, 1995) и мн. др., созданных во второй половине XX века, заключается в том, что современность в них представлена по-новому. В соответствии с изменившимися общественно-историческими условиями прошлое подвергается переосмыслению, активизируются те или иные разновидности романа и повести, наиболее отвечающие духу времени.

Среди перечисленных произведений, изображающих жизнь общества в различных временных ракурсах, повесть М. Карима «Долгое-долгое детство», написанная в 1976 году, особо выделялась своей новизной, жанрово-стилевым своеобразием, послужила толчком к созданию новых произведений, в которых наблюдалось мощное движение к социально-философскому эпическому целому, к синтезу форм и содержания.

Вследствие этого жанровый синтез в башкирской прозе второй половины XX века рассматривается в данной работе преимущественно на материале повести «Долгое-долгое детство» всемирно известного поэта-мыслителя XX века, Народного поэта Башкортостана, Героя Социалистического Труда, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Ленинской премии, Государственной премии СССР, Государственной премии РСФСР им. К. С. Станиславского и Государственной премии им. Салавата Юлаева, кавалера двух орденов Ленина Мустая Карима.

Нашими задачами являются определение направления жанрового взаимодействия и жанрового синтеза в башкирской литературе, наследование традиций которой очевидно в творчестве Мустая Карима, ставшего знаковой фигурой в советской литературе второй половины XX века; выявление причины обращения писателя к новым жанровым формам в исследуемый период; определение синтеза жанровых разновидностей, создающих новую внутреннюю повествовательную форму в повести М. Карима; установление взаимосвязи и взаимообусловленности формального и содержательного компонентов во внутренней форме художественного целого с учетом особенностей, привносимых синтетическим началом на уровне жанра.

В статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-исторический, благодаря которому были выявлены важнейшие составляющие повести «Долгое-долгое детство» в творчестве Мустая Карима, метод целостного анализа литературного произведения, давший возможность изучить жанрово-стилевое своеобразие указанной повести писателя.

Материалами исследования послужили следующие издания Мустая Карима: Карим М. Долгое-долгое детство: повесть. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976; Карим М. Долгое-долгое детство: повесть / авториз. пер. с башк. И. Каримова. М.: Современник, 1981; Карим М. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 3; Карим М. Собрание сочинений: в 5-ти т. / предисл. Г. Хусаинова. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1971-1973. Т. 3; Карим М. Избранные произведения: в 4-х т. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987-1988. Т. 3; Карим М. Сочинения: в 5-ти т. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1995-1999. Т. 3.

Теоретической базой исследования послужили труды по теории литературы И. Ф. Волкова (1995), А. Б. Есина (2000), Г. Н. Поспелова (1978), В. Е. Хализева (2002), в которых обсуждаются теоретические и методологические вопросы литературы, в том числе вопросы жанров и стилей, позиции разных научных направлений и школ, рассматриваются различные концепции художественного творчества, функционирования литературных произведений; фундаментальные исследования М. М. Бахтина (1975), Б. В. Томашевского (1999), В. М. Жирмунского (1977), где стиль рассматривается как отражение миросозерцания поэта, тесно связанного с историей литературы и историей культуры в целом, вскрывается единство в изучении стиля и художественной сущности литературных произведений; теоретические изыскания Н. Д. Лейдермана (1982), коллективное научное издание в двух томах «Проблемы художественной формы социалистического реализма» (1971), раскрывающие основные тенденции и закономерности развития советской прозы 1960-1970-х гг., в которых освещается процесс возникновения, развития, взаимодействия жанров как испытанных «форм времени», пятый, шестой и седьмой тома фундаментальной семитомной «Истории башкирской литературы» (1993; 1996; 2019), учебники для вузов «Башкирская литература двадцатого века» (2003), «Башкирская литература XX-XXI веков» (Гареева, 2017), где прослеживаются этапы развития башкирской прозы 1960-2020-х годов, труды Р. Н. Баимова, А. Х. Вахитова, Г. Б. Хусаинова, предметом которых являются исследования этапов развития башкирской прозы, где, в частности, анализируются особенности взаимосвязи и взаимодействия жанров и стилей эпических произведений башкирских писателей. Монография Г. З. Рамазанова (1978) посвящена исследованию жанрово-стилевых особенностей башкирской прозы. В трудах академика Г. Б. Хусаинова (1978; 1998) проводятся изыскания этапов становления и развития башкирской литературы в целом, поднимаются актуальные проблемы литературного процесса, выявляются закономерности формирования и обогащения различных жанров башкирской литературы, стилового многообразия и жанрового новаторства башкирской прозы XX века. В монографиях Р. Н. Баимова (1980; 1984; 1993; 2007) изучаются процессы формирования и эволюции жанров башкирской прозы XX века, исследуются жанрово-стилевая природа, поэтика произведений 1960-1980-х гг. В трудах А. Х. Вахитова (1979; 1982) прослеживаются возникновение и становление жанрово-стилевой системы башкирской прозы как самобытного литературно-художественного явления, раскрывается движение к социально-философскому эпическому целому. В данной работе при решении поставленных задач исследовательская концепция жанра и стиля Р. Н. Баимова, А. Х. Вахитова оказалась наиболее востребованной.

Практическая значимость материалов исследования заключается в том, что их можно использовать при дальнейших научных изысканиях в области проблемы взаимодействия и взаимовлияния, обогащения эпических структур, расширения типологии башкирского романа, в практике преподавания башкирской литературы на филологических факультетах вузов, при подготовке общих и лекционных курсов, создании учебных пособий по истории башкирской литературы.

Обсуждение и результаты

Эпическая емкость повести на уровне стилистического синтеза

Башкирскую литературу второй половины XX века в целом отличает поиск новых средств выражения авторского замысла, что проявляется как на формальном, так и на содержательном уровне. Важное направление поиска новой формы – переосмысление уже существующих в литературе жанров, в том числе жанров фольклора. Значимая особенность крупных эпических произведений второй половины XX века – синтетическое построение жанра, в основе которого лежит наследование многовековых традиций восточной литературы (Баимов, 2007, с. 225-226). Это наследование традиций соединяется писателями второй половины XX – начала XXI столетия с переосмыслением жанра, что проявляется в усложнении структуры жанрового синтеза, влияющем на содержательную и описательную фактуру эпических произведений. Ибо «под синтезом жанра мы понимаем не трансформацию жанра, а полную реализацию сущностных признаков каждого из объединяющихся жанров» (Андреева, Бедрикова, 2017, с. 106). Взаимообусловленность формы и содержания, тесная их взаимосвязь с духовными, эстетическими, нравственными исканиями эпохи, в которую творили писатели (История башкирской литературы, 1996, с. 34-37), наиболее ярко выражены в повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство».

Повесть «Долгое-долгое детство» Мустая Карима представляет собой своеобразное жанровое образование, в ней особо «не соблюдаются традиционные каноны, используются возможности различных жанров, в том числе романа и повести» (Баимов, 1980, с. 176).

Необходимо отметить, что подобное слияние жанров характерно для всего творчества Мустая Карима. К примеру, произведение «Европа – Азия» в свое время определялось одними критиками как «цикл стихов», а другие называли его поэмой (Кильмухаметов, 1979, с. 126).

«Размывание» рамок жанра заметно и в трагедиях М. Карима «В ночь лунного затмения», «Салават», особенно в пьесе «Не бросай огонь, Прометей!». Разнообразие жанров, в которых работал М. Карим, – в поэзии, драматургии, прозе, – отражается и в повести «Долгое-долгое детство», в которой ясно ощутимы «и вдохновение поэта, и сценическое мастерство драматурга, и талант увлекательного повествователя» (Кильмухаметов, 1979, с. 127).

В повести, при всем многообразии изображенных событий, довольно последовательно прослеживаются ступени возмужания героя-повествователя, его духовная эволюция, более того, «раскрывается процесс становления писательской личности, каждая фраза, каждый эпизод, выписанные рукой крупного мастера, врезаются в память глубиной ассоциации и эмоциональностью воздействия на душу читателя» (Вахитов, 1982, с. 246). В данном плане «Долгое-долгое детство» М. Карима «несомненно близко к “романам судьбы”, произведениям автобиографическим» (Баимов, 1980, с. 177-178), к мемуарам (Вахитов, 1982, с. 247).

Благодаря образу повествователя самостоятельные на первый взгляд различные события и характеры, истории отдельных судеб, объединенных общей идеей, тесно связанных с нравственными, социально-психологическими, духовными проблемами эпохи, внутренне целостны (Башкирская литература..., 2003, с. 358-359).

Образ рассказчика и одновременно главного героя является проблематичным центром, организующим художественную мысль произведения, определяет природу стиля повествования.

Писатель выдвигает на первый план свое понимание бытия, свою концепцию смысла жизни человека, в этом проявляется своеобразие повести, ее автобиографический характер. «Рассказчик – я сам... и не только сам», – подчеркивает автор (Карим, 1981, с. 4). Из воспоминаний он берет не все, а только то, что отвечает его художественному замыслу, – «людей, которые не изжили в себе веру в чудеса» (Карим, 1981, с. 3).

Субъективно-лирическое становится отражением эпической правды времени, мерой социально-нравственных устремлений народа. Эпическая емкость достигается на новом уровне стилистического синтеза – синтезе единства народного и лично пережитого. В повести личное вплавлено в большие социально-исторические события, в ней уровень обобщений очень высок, герой-повествователь постоянно проводит социально-философское осмысление жизненных явлений (Вахитов, 1982, с. 245-246).

Философичность восприятия изображенных впоследствии событий определяется в самом начале произведения – в завязке: на поле брани у подножия одинокого дуба тяжело раненный солдат слышит предсмертный вопль умирающих, что подталкивает его к воспоминаниям о первом зове новорожденных. Сплав конкретности и условности, факта и символа, эпических и лирических начал (Гареева, 2017, с. 216) начинает формироваться в тот момент, когда солдат находится в жестокой схватке со смертью, когда сегодняшнее и прошлое, сон и явь, реальное и фантастическое перемешиваются.

Начало повествования с середины биографии, переломного момента в жизни героя, разделившего судьбу человека на две части, на прошлое детства и будущее, определяет структурно-содержательные особенности произведения, тон и пафос повествования (Гареева, 2017, с. 215). События далекого детского прошлого оцениваются в произведении спокойным умом взрослого, и, наоборот, настоящая зрелость озаряется чистотой, искренностью и непосредственностью детства. Прошлое и настоящее, история и сегодняшний день, детская непосредственность и зрелость, эмоциональность и аналитичность, лиризм и эпичность представляют в повести единое целое, «складываются в художественную историю событий, характеров и судеб» (Баимов, 1984, с. 293).

Широкий тематико-проблемный диапазон произведения, обилие разных временно-пространственных событий, отсутствие последовательной хронологии повествования, постепенно усиливающегося сюжетного напряжения связаны с образом центрального героя – героя-повествователя. Особенности личности повествователя, его взглядов на мир во многом определяют оригинальность характеров и событий, своеобразие их взаимосвязей с эпохой. Перед читателями раскрываются судьбы людей, которых писатель знал, с которыми жил или провел часть жизни, которые оставили в его памяти незабываемые поучительные воспоминания. Воспоминания детства сопровождаются емкими философскими размышлениями умудренного жизненным опытом писателя о них в настоящем.

Внешняя бедность деревенских людей начала XX века способствует контрастному высвечиванию внутреннего богатства, красоты, величия и гордости простого человека (Вахитов, 1979, с. 278).

«Чудаковатые, немного странные, верящие в чудеса, прямые и простоватые... воспринимающие и счастье, и смерть спокойно, которых радость не портит, беда не застаёт врасплох» (Карим, 1983, с. 9), забавные, бедные, но не убогие, не глупые, не жалкие, наоборот, духовно красивые, величественные своими помыслами, поступками, чаяниями односельчане оставляют неизгладимый след, «божьи искорки» в памяти у повествователя-ребенка с младенческим чистым взглядом на жизнь и у автора – гражданина своей эпохи с поэтическим восприятием мира, философским умом, со взглядом на мир художника, личности высокого интеллекта. Повесть утверждает человечность отношений, показывает красоту жизни, наполняющую души светом, чувством любви к людям и радостного познания жития людей (Баимов, 1980, с. 183).

Каждая глава произведения, описывающая различные судьбы, образует самостоятельный рассказ и отличается своеобразием стиля (Баимов, 1984, с. 282).

Отдельные главы о Старшей Матери, в образе которой воплощены «нравственное величие человека, великодушие, в то же самое время трезвый взгляд на жизнь, внутренняя духовная свобода» (Вахитов, 1979, с. 246), главы о друге детства Асхате – «не о красавце, а о красивом человеке-поэте», об удивительно светлой личности, никогда не унывающей, жизнерадостной, бодрой духом, об Удачливой Руке – Круглом Талипе, самый твердый, никаким бедам-невзгодам не поддающийся главный стержень, самая крепкая, надежная духовная опора которого заключается в вере в чудо, о других оригинальных персонажах напоминают самостоятельные повести, циклы новелл и даже драматическую поэму.

Спор-соревнование Марагима и Акйондоз на жатве на серпах воспринимается как красивая поэма о любви и поэзии труда. Такая структура напоминает произведения с так называемой «ящичной» композицией, берущей начало в фольклоре и классической литературе Востока (Баимов, 1984, с. 283).

В изображении писателем жизни в ее широком эпическом течении, в показе величественной красоты и противоречивости человека, его гражданской, духовно-нравственной устремленности помогает синтез лиро-эпических, народнопоэтических начал. Эпическая емкость достигается на новом уровне стиливого синтеза – синтезе единства народного и личного.

В повести с романтической приподнятостью, лирической тональностью, философской насыщенностью проводятся поэтические параллели и связи с миром взрослых и миром детей.

Вместо традиционного композиционного и сюжетного принципа структуры, основанного в прежних произведениях на логике характеров и событий, в данном художественном тексте связи универсальные, способствующие показу бесконечно разнообразных и сложных взаимоотношений людей и событий. Повесть представляет собой «сложное, но единое композиционно-структурное целое, несущее в себе органичность синтеза лиро-эпических, условно-реалистических, биографических, мифологических, народнопоэтических и т. д. начал в изображении жизни в ее полномодном и бескрайнем эпическом течении, в показе величественной красоты и противоречивости человека, его гражданской, духовно-нравственной устремленности» (Вахитов, 1982, с. 247-248). В этом заключается жанровое новаторство повести «Долгое-долгое детство».

Показ рождения личности, освещение ее изнутри, формирование духовного стержня характера обуславливают использование автором различных художественных приемов, оригинальных способов композиционного строя, что позволяет раскрыть более выпукло проблему смысла жизни человека, проблему вечного, размышление о том, что делает жизнь человека осмысленной.

Писатель использует разнообразные эффективные приемы при переходе от факта к обобщению, от конкретности к символике, при установлении связи различных времен. Структура произведения построена на чередовании событий. Прошлое оценивается с позиций современности, с учетом нравственных, социальных, эстетических требований времени. Изображаемое событие или судьба человека, помимо своего конкретного содержания, несет в себе широко обобщенную образность, подтекст (Башкирская литература..., 2003, с. 362-363).

В повести наслаиваются и чередуются события: рассказ, начатый с детства, следуя какой-либо судьбе, событиям, двигается к настоящему. Повествование, когда на определенном уровне находит свое философское завершение, возвращается опять к изначальному моменту, выхватывая из прошлого новые события и судьбы. Таким образом достигается многообразная, многоликая связь прошлого и настоящего, пронизывающая все произведение (Вахитов, 1979, с. 278).

В целом в башкирской прозе второй половины XX века, наряду с традиционными жанрами, изображающими действительность в исторической и современной ипостасях, в различных тематических планах и стиливых направлениях, выделяются произведения, синтезирующие все эти начала, где прошлое и сегодняшнее, объективное и субъективное взаимосвязаны и призваны выражать эпическую емкость изображаемого, единство личности и окружающего мира (Башкирская литература..., 2003, с. 364-365).

В этом отношении наибольший интерес представляла повесть М. Карима «Долгое-долгое детство», которая и была выбрана объектом исследования.

Роль ассоциативности в композиционной организации материала

В повести для скрепления различных событий, судеб и временных пластов автор использует прием ассоциативности. В завязывании в одном композиционном узле событий разных времен и различных людских судеб значительны нравственные уроки, поучительные выводы, возникшие на основе конкретных явлений, образующие сложную непрерывную цепь размышлений (Баимов, 1993, с. 315). Например, песня «Не войдет человек в чужую могилу», отражающая конкретную трагедию, дает впоследствии повод Асхату и Кендеку думать о судьбе вообще, о значении человека.

Смысловое значение обобщений, основанных на конкретных фактах, нередко усиливается и повторениями (Баимов, 1984, с. 292). В повести, например, не раз упоминается товарищ детства Кендека Хамитьян, который за один свой неосознанный злой поступок в детстве казнит и обвиняет себя всю жизнь. Впоследствии, отыскав Кендека в больнице, ради него он готов даже пожертвовать своими легкими. Потом он, действительно, спасая юную девушку от пьяных бандитов, отдает свою жизнь целиком.

Этот факт вызывает размышления о величии души, о моральном долге и гражданских обязанностях человека. И впоследствии как нравственный итог еще несколько раз упоминается подвиг Хамитьяна, пожертвовавшего своей жизнью для других.

Это обуславливает «определенный эмоциональный настрой повествования» (Баимов, 1984, с. 292), является средством, раскрывающим философскую суть факта, гуманистическое призвание человека.

Такие ассоциативные связи, как красные в полоску домотканые холщовые штаны мальчишек 20-30-х годов прошлого века, рубаха Казны Исхака из ситца в крупный цветочек, из которого женщины шьют наволочки на подушки, и современные полосато-пестрые модники, стильные парни 1970-х годов или соломинка, из которой пили мальчишки катык, чтобы затянуть удовольствие, и люди современных больших городов, тянущие из соломинок свои коктейли, – объединяют различные события «в единый смысловой и композиционный центр, придают событиям новые неожиданные тональности» (Баимов, 1993, с. 284), «стягивают» в один метафорический узел и соединяют различные сферы жизни. Своеобразное объемно-эпическое видение мира, «целостное философское восприятие сложной и многогранной действительности» (Хусаинов, 1998, с. 448) достигается своеобразным сочетанием нескольких временных плоскостей.

Рождается взаимодействие сфер, времен и событий: воспоминания помогают высвечивать сегодняшнее, современное же способствует правильной оценке прошлого. Например, жизненно правдивый и эмоционально сильный эпизод, когда до умирающего на поле брани воина доносится из глубины памяти голос новорожденного и потрясает его, служит не только поводом, отправной точкой для монологов-воспоминаний главного героя, но и определяет в дальнейшем весь эмоциональный настрой повествования и природу его стиля. А «скрещение в сознании героя прошлого и современности» (Баимов, 1993, с. 285) уже в истоках предопределяет аналитичность всего повествования.

Наличие разных стилевых манер и традиций, густо окрашенное лирическим и романтическим пафосом реалистическое повествование, обилие поэтических приемов, их органическое единство в художественной ткани позволяют определить «характер образного мышления и природы произведения в целом» (Вахитов, 1982, с. 34-37).

Художественная ткань произведения соткана из сложных переплетений различных начал (Баимов, 1984, с. 293). Но повесть в целом представляет собой единое композиционно-структурное целое, несущее в себе органичность синтеза лиро-эпических, условно-реалистических, биографических, мифологических и т. д. сюжетов (Баимов, 1980, с. 188). Условность в повести понимается как логическое продолжение конкретности в символическом факте в философском обобщении. Это своеобразный переход, связь времен и поколений, событий разных плоскостей в повести. Часто это связь, соединяющая мир тленный и мир иной, обыденное и бессмертное, действительное и желаемое (Баимов, 1984, с. 297). Таким образом, соотношение и взаимодействие условности являются важным критерием в определении художественных особенностей произведения.

В повести прием условности применяется широко: от лепки условных образов до участия в принципах создания характеров и композиции произведения (Баимов, 1980, с. 194). Вот, например, образ «руки». Это в первую очередь руки Старшей Матери: «Желтые лучи низкого зимнего солнца упали на ее лежащие поверх одеяла руки. Они блестят, и кажется, что это они рассыпают лучи. Будто не две руки, а два осколка солнца лежат на одеяле, потому, наверное, когда я опускал на них голову, теплом и лаской обдавало меня. Касались они, и все беды, боли снимали разом» (Карим, 1976, с. 111). Далее – это Насип – Удачливая Рука, а потом «такие умные, такие чуткие», «говорящие» руки Людмилы.

Образ руки прежде всего, конечно, – это деталь, показывающая особенности конкретного характера и освещающая его изнутри. Ассоциативные значения образа, его иносказательность и условность участвуют и «в раскрытии идеи повести, больших гуманистических обобщениях» (Баимов, 1980, с. 196). Связь и взаимодействие конкретного и обобщенного, как источник стилевого синтеза и эпичности, «переходимость» сфер духовного и реального присутствуют во всей стилевой структуре произведения и в природе характеров.

Своеобразное соотношение конкретности и условности нашло свое яркое выражение особенно в образе Асхата. Писателя интересует не столько внешний, реальный портрет Асхата, сколько его поэтическая натура, духовная суть (Хусаинов, 1998, с. 456). Подчеркивание отличительных черт характера дает писателю впоследствии возможность завершить этот образ в его естественной логике, хотя Асхат и пропал во время войны

без вести: «Не думаю, что он умер в судорогах, корчась на земле, – говорится в повести. – Может, ехал верхом и рухнул с седла, а может, в пылающем самолете сторел высоко в небе... Я не верю, что красивый человек может умереть некрасиво. Он был поэтом. Смерть поэта не может быть безобразной» (Карим, 1995-1999, с. 31).

Подобный принцип создания характера не ограничивается лишь образом Асхата. Герои повести «Долгое-долгое детство», точно так же как и лирический герой стихотворений Мустая Карима, обычно амбивалентны: каждый из них – неповторимая индивидуальность, конкретная личность и в то же время – широко обобщенный тип, даже символ. Это усиливает «философскую значимость конкретных событий» (Баимов, 1984, с. 298), через частные явления нередко раскрываются проблемы общечеловеческие.

Образная иносказательность, поэтичность стиля, использование богатства средств художественного мышления, ассоциативных связей, параллелизма, приемов контраста, антитезы, например, наступление весны, обновление жизни – и умирающие в больнице, прощание их с белым светом или торжество праздника – и эпизод грубой кровавой драки, – все это дает основания считать «Долгое-долгое детство» «переходной ступенью к роману синтетическому, социально-философскому, эпическому» (Баимов, 1984, с. 311).

Плодотворные поиски обогащают нашу литературу новыми характерами, новыми средствами выразительности, многообразием стилей; в значительной степени определяют и эволюцию, ступени развития башкирской прозы, уровень ее творческого мастерства (Вахитов, 1982, с. 248).

Итак, движение к синтезу форм и стилей всегда требует и синтеза содержания, единства многообразия. В повести М. Карима «Долгое-долгое детство» наблюдаются черты возникновения новых жанровых образований, стиливых направлений. «Срастание и синтез различных начал» (История башкирской литературы, 1993, с. 256-258), соединение ранее самостоятельных форм не противоречат дальнейшей дифференциации жанров и не приводят к разрушению жанровых и родовых принципов ни романа, ни других форм литературы.

Заключение

Таким образом, в данной статье был проведен анализ жанровой поэтики повести М. Карима «Долгое-долгое детство» с точки зрения проблемы художественного синтеза. Исследования показывают, что во второй половине XX века в башкирской литературе шел интенсивный процесс жанрового взаимодействия и жанрового синтеза, ярко выраженный в творчестве ставшего выдающейся знаковой фигурой в советской литературе этого периода Мустая Карима. Синтез жанровых разновидностей в повести «Долгое-долгое детство» создает новую внутреннюю повествовательную форму, способствует установлению взаимосвязи и взаимообусловленности формального и содержательного компонентов во внутренней форме художественного целого.

Повесть М. Карима «Долгое-долгое детство», как это не раз отмечал и сам автор, довольно трудно вместить в строгие рамки традиционных жанров. Автор, долго и плодотворно работавший и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, создавший уникальные произведения, вошедшие в сокровищницу национального словесного искусства, сам особо и не старается соблюдать традиционные каноны, наоборот, стремится полнее использовать возможности различных литературных родов, жанров, в том числе романа и повести, что неоднократно наблюдалось и в цикле стихов «Европа – Азия», в поэмах «Черные воды», «Улыбка», «Ульмасбай», в трагедиях «В ночь лунного затмения», «Салават», «Не бросай огонь, Прометей!».

В «Долгом-долгом детстве» на первый взгляд вроде бы нет постепенно усиливающегося сюжетного напряжения, нет хронологии повествования. Эпическое изображение жизни народа во всем ее многообразии, жестокой классовой борьбе в башкирской деревне 1920-х годов, вторгающейся в мироощущение ребенка, повествование о личном, вплавленном в большие социально-исторические события, – широкий тематический диапазон повести приближает ее к знаменитым романам «Униженные» З. Бишевой, «Первые шаги» А. Вали, «Фундамент» С. Агиша и др. Писатель рисует судьбы людей, которых знал, с которыми жил или провел часть жизни герой-повествователь, с чьим образом связаны все события и характеры. Образ повествователя является и проблематическим центром, организующим художественную мысль произведения, определяющим природу стиля повествования. При всем многообразии событий, изображенных в произведении, довольно последовательно прослеживаются ступени возмужания героя-повествователя, его духовная эволюция. В этом отношении повесть М. Карима близка к «романам судьбы», автобиографическим произведениям.

Главы о Старшей Матери, Асхате, Круглом Талипе, Насипе – Удачливой Руке, каждую из которых можно было бы рассматривать как самостоятельную повесть, образуют своеобразную структуру произведения, «ящичную композицию», берущую свое начало в фольклоре и классической литературе Востока. История о рожденных друг для друга, но разлученных волею судьбы парах, томящихся в одиночестве, воспринимается как романтический рассказ-притча. Завязка о двух берегах реки – о небытии и вечности, о бренности и тленности, о вечном строительстве моста человеком меж двух берегов, сплав конкретности и условности, факта и символа, эпических и лирических начал, яви и фантастического, реальности и ирреальности, об образах неподвижного дуба – Старшей Матери и безобразных птиц с черными крестами на крыльях – в воспаленном сознании умирающего на поле жестокой брани воина восходит к героическому эпосу, мифологии. Спор-соревнование Марагима и Акйондоз на жатве на серпах представляет собой драматическую поэму о любви и поэзии труда. Главы об Акбузате – крылатом коне Кендека, о старательно вьющем аркан-канат Юмагуле, желавшем достать со дна бездонного водоема своему новорожденному сыну-младенцу бесцельные богатства – сказочно-волшебны. Глава о Самигулле, оклеветанном безвинно и убиенном жестоко, наполнена нарастающим

трагизмом, в ней каждая деталь, подтекст, высказанная фраза глубоко символичны. Глава об исполнении Раузой башкирской народной песни «Ашкадар», наполненной горячей любовью и горечью утраты любимого, в день получения похоронки на мужа в Великую Отечественную войну представляет собой содрогающую души читателей драму. Глава об Асхате – удивительно светлом, красивом человеке-поэте – овеяна высокой романтикой. Глава о бедных, но гордых жителях Козьего околотка, пытавшихся переименовать свою улицу в Губернаторскую, чтобы выставить хоть что-то против достатка, силы, престижа других, проникнута теплым юмором.

Таким образом, на примере повести М. Карима «Долгое-долгое детство» можно увидеть синтетическое построение жанра, в основе которого лежит наследование многовековых традиций восточной литературы. Наблюдается соединение широкого круга художественных приемов различных жанров в одном произведении: сказки, рассказа, народных песен, хикаята-притчи, романтической легенды, повести, романа, синтез лиро-эпических, условно-реалистических, биографических, мифологических и романтических, драматических, трагических сюжетов. Условность выступает в повести как логическое продолжение конкретности в символике, факта в философском обобщении, прослеживается тесная связь времен и поколений, событий разных плоскостей, соприкосновение мира тленного и мира вечного, обыденного и бессмертного, действительного и желаемого и т. д.

Представленная тема может быть продолжена и углублена в дальнейших исследованиях, касающихся анализа движения башкирской литературы к социально-философскому эпическому целому, изучения стилевого многообразия и жанрового новаторства башкирской прозы второй половины XX века.

Источники | References

1. Андреева С. Л., Бедрикова М. Л. Жанровые признаки антиутопии в повести Ю. Давыдова «Африканский вариант» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49.
2. Баимов Р. Н. Заметки разных лет: избранные статьи. Уфа: Гилем, 2007.
3. Баимов Р. Н. Истоки и устья. Заметки о башкирской литературе. Уфа: Китап, 1993.
4. Баимов Р. Н. Поискам нет конца. М.: Современник, 1980.
5. Баимов Р. Н. Судьба жанра. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
7. Башкирская литература двадцатого века: учебник для высших учебных заведений / сост. и науч. ред. Р. Н. Баимов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2003.
8. Вахитов А. Х. Жанр и стиль в башкирской прозе. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982.
9. Вахитов А. Х. Когда раздвигаются горизонты. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979.
10. Волков И. Ф. Теория литературы: учеб. пособие для студентов и преподавателей. М.: Просвещение, 1995.
11. Гареева Г. Н. Башкирская литература XX-XXI веков: учебник для высших учебных заведений. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017.
12. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2000.
13. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избранные труды / вступ. ст. Д. С. Лихачева; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977.
14. История башкирской литературы: в 7-ми т. / гл. ред. Г. Б. Хусаинов; отв. ред. Р. Т. Бикбаев. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1993. Т. 5.
15. История башкирской литературы: в 7-ми т. / гл. ред. Г. Б. Хусаинов; отв. ред. Р. Т. Бикбаев. Уфа: Китап, 1996. Т. 6.
16. История башкирской литературы: в 7-ми т. / гл. ред. Г. Б. Хусаинов; отв. ред. М. Х. Надергулов. Уфа: Китап, 2019. Т. 7.
17. Кильмухаметов Т. Драматургия Мустая Карима. Своеобразие жанровой эволюции: монография. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979.
18. Лейдерман Н. Д. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е гг. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.
19. Пospelов Г. Н. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978.
20. Проблемы художественной формы социалистического реализма: в 2-х т. / редкол.: Н. К. Гей. М.: Наука, 1971. Т. 1. Аспекты изучения. Художественная форма и действительность. Т. 2. Внутренняя логика литературного произведения и художественная форма.
21. Рамазанов Г. З. Горизонты литературы: исследования и литературно-критические статьи. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978.
22. Суценко Е. В. Жанровый синтез как типичная особенность искусства: истоки возникновения, направления реализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (89).
23. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. ст. Н. Д. Тамарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1999.
24. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002.
25. Хусаинов Г. Б. Литература и наука. Избранные труды. Уфа: Гилем, 1998.
26. Хусаинов Г. Б. Эпоха. Литература. Писатель. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978.

Информация об авторах | Author information

RU

Гареева Гульфира Нигаматовна¹, д. филол. н., доц.
Шайдуллина Алсу Мисхатовна²

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий

EN

Gareeva Gulfira Nigmatovna¹, Dr
Shaydullina Alsu Mishatovna²

^{1,2} Ufa University of Science and Technology

¹ gareevagulfira@mail.ru, ² alsushaydullina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.02.2024; опубликовано online (published online): 25.03.2024.

Ключевые слова (keywords): башкирская литература; жанр; стиль; художественный синтез; Мустай Карим;
Bashkir literature; genre; style; artistic synthesis; Mustai Karim.